

УДК 821.161.1 – 3.09 + 929Даль

НАТАЛЬЯ ЮГАН

(Луганск)

**«ВАШ ТАЛАНТ ОДНОРОДЕН С ТАЛАНТОМ
ДАЛЯ...»: В.И. ДАЛЬ И И.С. ТУРГЕНЕВ
КАК «НАРОДНЫЕ» ПИСАТЕЛИ**

Ключові слова: національне народне життя, контактні зв'язки, сучасники, образ народу, літературні паралелі, оповідання, повість.

Вынесенные в заглавие статьи слова великого русского критика В.Г. Белинского, написанные в личном письме к И.С. Тургеневу от 19 февраля 1847 г. по прочтении первого рассказа из «Записок охотника» «Хорь и Калиныч» [2, с. 347], свидетельствуют о том, что проблема «В.И. Даль и И.С. Тургенев» была поставлена ещё современниками автора. В начале 1850-х гг. П.В. Анненков в статье «По поводу романов и рассказов из простонародного быта» заявил о сложившейся в русской литературе так называемой «очерковой школе» или «школе

Даля», к которой с некоторыми оговорками относил И.С. Тургенева [10, с. 103]. Эту точку зрения в советском и современном литературоведении поддержали Л.М. Канкава, В.Ф. Соколова, А.Л. Фокеев [4; 13, с. 68; 15, с. 17]. На наш взгляд, проблема контактных связей двух писателей и типологических соответствий между их прозой до сих пор до конца не решена.

О знакомстве В.И. Даля с И.С. Тургеневым и службе последнего в 1843–1845 гг. в министерстве внутренних дел под руководством В.И. Даля писал Ю.Г. Оксман [9]. С. Шаталов проанализировал словесно-речевые формы повествования в прозе В.И. Даля и И.С. Тургенева: молодой писатель учитывал опыт Казака Луганского в этой области и творчески развивал его [16]. В советском литературоведении наметилась устойчивая тенденция отрицать воздействие произведений В.И. Даля о народе на «Записки охотника» И.С. Тургенева [5, с. 6-7; 6, с. 8-10; 8, с. 15-16]. Однако, по нашему мнению, при рассмотрении этого вопроса не должно быть излишней категоричности.

Цель нашей статьи – проанализировать особенности изображения национальной народной жизни в творчестве В.И. Даля и И.С. Тургенева, сделать вывод о возможности влияния авторов друг на друга.

Своё положительное отношение к «народному» автору И.С. Тургенев выразил в рецензии на повести и рассказы Казака Луганского (Отеч. зап., 1847, № 1), написанной под влиянием отзывов авторитетного для него В.Г. Белинского. Рецензию И.С. Тургенев создавал во время работы над первыми очерками из «Записок охотника». В этот период его особенно волнует проблема изображения народной жизни. Народность литературы он истолковывает с точки зрения тех задач, которые ставил перед собой В.И. Даль: «В наших глазах тот заслуживает это название (народный писатель. – Н.Ю.), кто по особому ли дару природы, вследствие ли тревожной и разнообразной жизни, как бы вторично сделался русским, проникнулся весь сущностью своего народа, его языком, его бытом» [14, с. 277]. Тургенев называет Казака Луганского «замечательным и самобытным дарованием» [14, с. 277]. Чтобы так, как В.И. Даль, выражать «сочувствие к народу, родственное к нему расположение, нужна наивная и добродушная наблюдательность», «любовь к простому русскому человеку» [14, с. 277].

Безусловно, рассказы Казака Луганского и повести Д.В. Григоровича о деревне значительно стимулировали интерес И.С. Тургенева к крестьянской проблематике, определивший появление его первых очерков и рассказов из «Записок охотника». Недаром в литературной среде XIX в. встречались опровержения приоритета И.С. Тургенева в изображении народа и народной жизни в литературе 1840-х гг. (например, точка зрения В.А. Панаева [11, с. 231]).

Как упоминалось нами в начале статьи, влияние Казака Луганского на И.С. Тургенева впервые отметил В.Г. Белинский, который в 1847 г. заметил: «<...> у вас чисто творческого таланта нет, или очень мало, и ваш талант однороден с талантом Даля» [2, с. 347]. В 1918 г. А.Е. Грузинский обратил внимание на связь «Записок охотника» с жанром физиологического очерка, в котором продуктивно работал В.И. Даль в 1840-х гг.: «Вся суть очерка («Хорь и Калиныч». – Н.Ю.) в характеристиках, ведущихся почти исключительно путём авторских описаний, включены бытовые особенности края (продажа кос и покупка тряпья орлами) без всякой связи с содержанием рассказа; эти особенности ставят первую попытку Тургенева в близкую связь с физиологическим очерком того времени» [3, с. 62].

Вместе с тем, в вопросе влияния В.И. Даля на И.С. Тургенева нужно сделать существенную оговорку. Всё то, что И.С. Тургенев воплотил в образах простых русских людей, крепостных крестьян, – их высокие нравственные качества, способность любить, сострадать, тонко чувствовать природу и др., В.И. Даль показал в своих героях из народа в рассказах и повестях из инонационального быта (этнографических повестях «Цыганка», «Болгарка», «Бикей и Мауляна», «Майна» и др.). Он демонстрирует в этих произведениях внимание к обездоленному человеку, показывает борьбу за его независимость, сложность общественного и социального положения, большую любовь человека из народа, имеющую трагический характер и др. О том, что И.С. Тургенев знал рассказы Казака Луганского 1830-х гг., посвящённые Украине, Молдавии, Болгарии, изображению казахской жизни, свидетельствует его рецензия 1846 г. [14, с. 279-280]. К тому же в 1830-х гг. В. И. Даль привносит в русскую литературу этнографизм, фольклоризм, сказ, разрабатывает способы введения в художественное произведение разговорных и просторечных слов и выражений, стремится к реалистическому изображению народной жизни. И.С. Тургенев разрабатывает все эти проблемы и воплощает художественные принципы по отношению именно к русскому крестьянству. Кроме того, его творчество периода «Записок охотника» обогащается наработками «натуральной школы», в частности, И.С. Тургенев усваивает опыт физиологического очерка того же В.И. Даля.

Близость творческого метода В.И. Даля и И.С. Тургенева связана со стремлением писателей глубоко постичь характер народа, этнографизмом, использованием фольклора, введением в художественное произведение элементов сказа, просторечья и диалектизмов.

И Казак Луганский, и И.С. Тургенев в своём творчестве объективно изображают российское крестьянство, показывают его достоинства и недостатки. Глубокое раскрытие в «Записках охотника» лучших человеческих качеств народа определялось пристальным вниманием И.С. Тургенева к народной морально-нравственной и поэтической культуре, его серьёзным изучением быта, нравов и обычаев крестьянской среды [1]. Но И.С. Тургенев во многом оригинально для литературы этого периода трактует народный характер. Он не только с сочувствием, но и с гордостью смотрит на простого человека, не растерявшего в условиях крепостного произвола душевной щедрости, не утратившего ясности ума и природного таланта. Оценивая жизненные явления с народной точки зрения, писатель раскрывает порочность крепостнических отношений, тормозящих развитие России и её умного, доброго народа. Как о вопиющем нарушении общественной справедливости говорит И.С. Тургенев о крайне бедственном положении народа, которого по барскому произволу лишали права на личное счастье («Ермолай и мельничиха»), истязали («Бурмистр», «Два помещика»), помыкали им, как хотели («Льгов»). Барская «опека» доводила мужика до разорения и отчаянья, а иногда и до полной обезличенности.

Крестьян, которые вынуждены идти на заработки из деревни, чтобы прокормить свою семью, В.И. Даль показывает, например, в таких произведениях 1840-х гг., как «Хмель, сон и явь», «Петербургский дворник», а произвол помещиков по отношению к своим крепостным в повести «Вах Сидоров Чайкин». Впоследствии о тяжёлом социальном и имущественном положении крестьянина В.И. Даль говорит в рассказах «Картины из русского быта» «Грех», «Светлый праздник» и др., губящий судьбы крестьян административно-чиновничий аппарат изображает в «картинах» «Ваша воля, наша доля», «Лимоны, сапог и

солдатская шапка» и т. п. В свою очередь нужно отметить, что И.С. Тургенев, показав в «охотничьих рассказах» прекрасную душу крепостного народа, его богатый внутренний мир, оказал значительное влияние на далевское творчество 1850 – начала 1860-х гг., в котором писатель создал много образов людей из народа, обладающих такими качествами («Крестьянка», «Петруша с Параней», «Прадедовские вѣтлы» и др.).

В своей народной книге о крепостной России И.С. Тургенев в духе Казака Луганского рассказывает о природных и социально-бытовых условиях жизни крестьянства, о состоянии хозяйства барина и мужика, о нравах и обычаях центральных губерний России. Точное указание места действия, подчёркивающее связь рассказов И.С. Тургенева с физиологическим очерком «натуральной школы», придаёт повествованию убедительность и жизненную достоверность. В «Хоре и Калиныче» действие происходит в Жиздринском уезде Калужской губернии. В «Бежине луге» – в Чернском уезде Тульской губернии, в «Малиновой воде» – на берегу реки Исты и т. д.

Многие эпизоды из рассказов И.С. Тургенева представляют собой своеобразные фрагменты обычных этнографических очерков, в которых даются те или иные сведения о народе и народной жизни. В них то подчёркивается отличие орловских крестьян от калужских, то говорится об особенностях торговли рабочим инвентарём в орловских деревнях («Хорь и Калиныч»), то ведётся рассуждение о выгодах и неудобствах кочевой жизни охотника («Лебедянь»), то даётся характеристика определённых групп людей («Татьяна Борисовна и её племянник»). Вместе с тем, описание типичных жизней в «Записках...» окрашивается поэтическим чувством. Народность цикла, его высокие художественные достоинства в значительной степени определяются широким использованием писателем устного поэтического творчества. Через фольклор И.С. Тургенев раскрывает народное миропонимание, особенности жизненного уклада своих героев. Фольклор, отражая народный взгляд на жизнь, в рассказах И.С. Тургенева нередко выполняет важную композиционную роль. Из всех жанров фольклора наиболее характерна для «Записок охотника» песня, которая сопровождает жизнь крестьянина, выражает его радость и горе, душевную щедрость и лихую удаль («Певцы»). Показу народных стремлений и мировоззренческих представлений в тургеневском цикле служат и такие жанры фольклора, как рассказы о разбойниках, предания и были, записанные писателем из уст народа («Бежин луг»).

Постижению своеобразия жизни крестьян способствует и меткий русский язык. Обогащая литературный язык элементами живой народной речи, И.С. Тургенев добивается образной выразительности в передаче характерных особенностей народного мышления. В этом отношении немаловажную роль играют диалектные выражения (курско-орловского диалекта и говоров южновеликорусского наречия), которые в ряде случаев объясняются подстрочно. В авторской речи большинство диалектизмов этнографические: «панёва» («Бурмистр»), «чуйка», «покрышка» («Певцы»), «загородок» («Касьян из Красивой Мечи») и др. В речь персонажей ограниченно вводятся фонетические и морфологические диалектизмы, которые отражают своеобразие звукового оформления слов: «хрестьяне» («Касьян из Красивой Мечи»), «махонькой» («Бежин луг»), «тверёзый» («Однодворец Овсянников»), «из дырьев», «по наследствию» («Льгов»), «послушайте» («Стучит!»), «повываливались» («Льгов») и т. д. Подобные приёмы использует и В.И. Даль (например, в «картинах» «Бес-

честье», «Прадедовские вѣтлы»), а собственно проблема разных говоров рассматривается им в рассказе «Говор».

Если этнографизм, фольклоризм и стилистика произведений В.И. Даля и И.С. Тургенева имеют значительное сходство, то в жанровом отношении наблюдаются существенные различия.

Уже в первых произведениях цикла И.С. Тургенев резко меняет поэтику физиологического очерка. Это можно увидеть в «Хоре и Калиныче». Начиная свой рассказ с точного обозначения места действия (на границе Орловской и Калужской губерний), как это делали авторы физиологических очерков, он явно сближается на этом пути и с Казаком Луганским. Как и впоследствии В.И. Даль (рассказ «Ворожейка» (1848)), И.С. Тургенев сразу же занимает определённую выраженную общественную позицию, противопоставляя барщинному орловскому мужику уверенного в себе калужского оброчного крестьянина. По аналогии с физиологическим очерком в «Хоре и Калиныче» И.С. Тургенев передаёт статику бытия героев, описывает устоявшийся русский патриархальный быт в семье Хоря, и в то же время смело перешагивает границы жанра. Перед нами не просто мужики конкретно Калужской и Орловской губерний, а разные типы русских крестьян с их нравственно-психологическими особенностями. Писатель делает попытку создания художественных образов, а для этого необходимо было усложнение «физиологии». Этот же процесс в «Записках охотника» отражается в заглавиях произведений охотничьего цикла, в которых нет указаний на профессию или этнографическую принадлежность социального типа. Заглавия даются по сюжетному действию или имени героя («Ермолай и мельничиха», «Хорь и Калиныч», «Свидание» и др.). Преодоление «физиологизма» проявляется и в некоторой этнографической неточности, присущей отдельным очеркам и рассказам [7, с. 279]. Далеко за рамки «физиологий» выходят образы мальчиков из «Бежина лука», Якова Туркова из рассказа «Певцы» и др.

Видя сходство художественного подхода к изображению крестьянства автора «Записок охотника» и писателей «школы Даля», П.В. Анненков в то же время отмечал у И.С. Тургенева серьёзные отступления от требований, предъявляемых к литературе подобного рода. В одном из писем в январе 1853 г. он писал И.С. Тургеневу по поводу его повести «Постоялый двор»: «Этот род произведений требует истины уже как бы математической. Школа Даля и ученика его Мельникова поняла это очень хорошо, но Вы, кажется, это упустили из вида и думаете обходиться с такими анекдотами в полной свободе творчества, но этого нельзя уже по существу делать» [12, с. 481-482].

Преодоление «физиологизма», новый подход к изображению народа определили новаторский характер «охотничьих рассказов» И.С. Тургенева и их жанровое разнообразие. Коренным различием прозы В.И. Даля и И.С. Тургенева 1840-х гг. является перерастание жанра физиологического очерка, в котором продуктивно работал Казак Луганский в этот период. И.С. Тургенев создаёт некий синтетический жанр, вобравший в себя элементы этнографического очерка и рассказа, в котором обнажение противоречий современного ему общества соединяется с психологической разработкой характеров и поэтическим изображением внутреннего мира героев-крестьян.

Перспективой исследования поставленной проблемы является анализ существующих в литературоведении терминов «школа Даля», «этнографическая школа Даля», «очерковая школа Даля», их сути и авторов, которые можно было бы отнести к данной «школе».

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Азадовский М. К. Статьи о литературе и фольклоре / М. К. Азадовский. – М. : Гослитиздат, 1960. – 547 с.
2. Белинский В. Г. Полн. собр. соч. : в 13 т. / В. Г. Белинский. – М. : АН СССР, 1953. – Т. 1. – 643 с.
3. Грузинский А. Е. И. С. Тургенев. (Личность и творчество) / А. Е. Грузинский. – М., 1918. – 215 с.
4. Канкава М. В. О влиянии В. И. Даля на стиль писателей этнографической школы / М. В. Канкава // Поэтика и стилистика русской литературы : сб. ст. – Л., 1971. – С. 174–180.
5. Ковалёв В. А. «Записки охотника» И. С. Тургенева. Вопросы генезиса / В. А. Ковалёв. – Л. : Наука, 1980. – 134 с.
6. Лебедев Ю. В. «Записки охотника» И. С. Тургенева : [пособ. для учит.] / Ю. В. Лебедев. – М. : Просвещение, 1977. – 80 с.
7. Манн Ю. В. Утверждение критического реализма. Натуральная школа / Ю. В. Манн // Развитие реализма в русской литературе. – М., 1972. – Т. 1. – С. 234–291.
8. Новиков И. Тургенев – художник слова. (О «Записках охотника») / И. Новиков. – М. : Сов. писатель, 1954. – 123 с.
9. Оксман Ю. Г. И. С. Тургенев на службе в министерстве внутренних дел / Ю. Г. Оксман // Учёные записки / Саратовский гос. ун-т им. Н. Г. Чернышевского. – Саратов, 1957. – Т. LVI. – Вып. филол. – С. 172–183.
10. П. А-в По поводу романов и рассказов из простонародного быта. Статья вторая и последняя / П. А-в // Современник. – 1854. – № 3. Т. 44. – С. 11–22.
11. Панаев В. А. Из «воспоминаний» / В. А. Панаев // Григорович Д. В. Литературные воспоминания. – М., 1987. – С. 147–270.
12. Переписка И. С. Тургенева : в 2 т. / сост. и ком. В. Н. Баскакова и др. – М. : Худож. лит., 1986. – Т. 1. – 607 с.
13. Соколова В. Ф. Этнографическая «школа Даля» в русской литературе середины XIX в. / В. Ф. Соколова // Традиции и новаторство русской прозы и поэзии XIX–XX вв. : сб. науч. тр. – Н. Новгород, 1992. – С. 67–75.
14. Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем : в 30 т. Соч. : в 12 т. / И. С. Тургенев. – [2-е изд., испр.]. – М. : Наука, 1978. – Т. I. – 489 с.
15. Фокеев А. Л. Этнографическое направление в русском литературном процессе XIX века : истоки, тип творчества, история развития : автореф. дис. на соискание учёной степени канд. филол. наук : спец. 10.01.01. «Русская литература» / А. Л. Фокеев. – М., 2004. – 47 с.
16. Шаталов С. «Посредники» у В. И. Даля и И. С. Тургенева (о способах повествования в прозе 1840–1850-х годов) / С. Шаталов // Учёные зап. : Второй межвуз. тургеневский сб. Т. 51. / Курский гос. пед. ин-т. – Орёл, 1968. – С. 160–146.

НАТАЛЬЯ ЮГАН

«ВАШ ТАЛАНТ ОДНОРОДЕН С ТАЛАНТОМ ДАЛЯ...»: В.И. ДАЛЬ И И.С. ТУРГЕНЕВ КАК «НАРОДНЫЕ» ПИСАТЕЛИ

В статье рассматривается проза о народной жизни В.И. Даля и И.С. Тургенева. Автор анализирует факты и литературные параллели и делает вывод о характере взаимоотношений писателей, возможное влияние на художественный метод друг друга. В.И. Даль и И.С. Тургенев используют в своём творчестве этнографизм, фольклоризм, стилистика их произведений близка. В жанровом отношении между авторами наблюдаются значительные отличия.

NATALIA YUGAN

«YOUR TALENT IS SIMILAR TO DAHL'S ONE...»: V.L. DAHL AND I.S. TURGUENEV AS «FOLK» WRITERS

In the article the V.I. Dahl and I.S. Turguenev's prose about popular life is regarded. The author analyzes the facts and literature parallels and makes conclusion about the character

of relationship of the writers and possible influence upon the creative works of each other. Ethnographism, folklorism and stylistics of Dahl and Turguenev's works have a magnificent similarity, in genre, however, there are some differences.

Key words: *national popular life, contact bonds, contemporaries, the image of the people, literature parallels, short-story, novel.*

Одержано 18.04.2012 р.